

М. П.
А. Г. П.
Андерсон

РАССКАЗЫ

Annotation

Шервуд Андерсон — один из наиболее выдающихся американских новеллистов XX века.

Творчество Андерсона, писавшего в разных жанрах, неоднородно и неравноценно. Своими рассказами он внес большой вклад в прогрессивную американскую литературу. На отдельных его произведениях, в особенности романах, сказалось некоторое увлечение разного рода модернистскими тенденциями, уводившими его в сторону от реализма.

- [Шервуд Андерсон](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
-
-

Шервуд Андерсон
Возвращение

Восемнадцать лет. Ну что ж, теперь он вел прекрасную машину, очень дорогой родстер. ^[1] Он был одет превосходно, этакий довольно плотный красивый мужчина, совсем еще не отяжелевший. Когда он из маленького городка на Среднем Западе уезжал в Нью-Йорк, ему было двадцать два года, а теперь, когда он возвращался, ему было уже сорок. Он ехал с Востока в свой городок и остановился позавтракать в другом городке, не доезжая десяти миль.

Покинув Кекстон после смерти матери, он время от времени писал друзьям на родину, но прошло несколько месяцев, и ответы стали приходить все реже и реже. И в этот день, сидя за завтраком в небольшой гостинице городка, находившегося в десяти милях к востоку от Кекстона, он внезапно подумал о том, зачем он едет туда, и ему стало стыдно. «Неужели я еду в свой родной город по той же причине, почему писал письма?» — спросил он себя. На мгновение ему показалось, что дальше ехать незачем. Еще есть время вернуться.

За окном на главной деловой улице городка взад и вперед двигались люди. Мягко пригревало солнце. Хотя он столько лет прожил в Нью-Йорке, в нем до сих пор где-то глубоко таилось страстное желание увидеть родные места. Вчера он целый день ехал по восточной части Огайо, часто пересекая ручьи, струившиеся по небольшим долинам, и глядя на белые домики фермеров в стороне от дороги и большие красные амбары.

Бузина вдоль изгородей была еще в цвету, мальчишки купались в речушке, пшеница была уже сжата, зато маис поднялся по плечо. Повсюду жужжание пчел, а в перелесках вдоль дороги — глубокая, таинственная тишина.

Теперь, однако, мысли его приняли другое направление. Ему опять стало немного стыдно. «Когда, я впервые уехал из Кекстона, я писал письма друзьям детства, но писал всегда о себе. Рассказав, как идут мои дела в Нью-Йорке, какие у меня новые друзья, какие планы на будущее, я обычно приписывал в самом конце письма нечто вроде маленькой анкеты: „Надеюсь, у вас все в порядке? Как дела?“ — или что-нибудь в этом роде».

Возвращавшемуся домой путнику (его звали Джон Холден) вдруг стало не по себе. Прошло восемнадцать лет, но ему показалось, что перед ним снова лежит одно из писем, написанных восемнадцать лет назад, когда он впервые попал в незнакомый восточный город. Брат его матери, преуспевающий архитектор в Нью-Йорке, много сделал для племянника; Джон побывал в театре и видел Мэнсфилда в роли Брута; как-то вечером он совершил с теткой поездку на пароходе вверх по реке до Олбени и видел на палубе двух очень красивых девушек.

И все прочее было, вероятно, в таком же стиле. Дядя предоставил ему редкую возможность, и он ею воспользовался. Со временем он также стал преуспевающим архитектором. В Нью-Йорке можно найти несколько больших зданий, два или три небоскреба, ряд огромных промышленных сооружений и множество красивых, дорогих особняков — все это плоды его творчества.

Подводя итоги, Джон Холден вынужден был признать, что дядя не питал к нему особенной любви. Просто случилось так, что у тети и дяди не было детей. Джон выполнял свою работу, в архитектурной мастерской добросовестно, тщательно и даже проявил недюжинные способности в области проектирования. Тете он нравился больше, чем дяде. Она всегда старалась думать о нем как о собственном сыне и обращалась с ним как с сыном. Иногда она даже называла его сыном. Раза два после смерти дяди у него мелькала мысль: тетя женщина добрая, но, может быть, ей хотелось бы, чтобы он, Джон Холден, не был таким уж паинькой, чтобы он хоть иногда немного побуйствовал. Никогда не совершал он поступков, за которые ей приходилось бы его прощать. Может быть, она жаждала даровать людям прощение.

Странно все это, а? Ну хорошо, а что прикажете делать? Живешь ведь на свете только раз. Надо же и о себе подумать.

Досадно, право! Джой Холден так рассчитывал на эту поездку в Кекстон, рассчитывал даже больше, тем сам признавал: Был ясный летний день. Он проехал по горам Пенсильвании, через штат Нью-Йорк, по восточной части Огайо. Гертруда, его жена, умерла прошлым летом, а его единственный сын, мальчик двенадцати лет, был отправлен, на лето в детский лагерь в штате Вермонт.

Вдруг у него мелькнула мысль: «Я медленно проеду по родным местам, как бы вновь впитывая их аромат. Мне нужен покой, время, чтобы подумать. Самое главное — это возобновить старые знакомства. Я остановлюсь в Кекстоне и пробуду, там несколько дней. Повидаюсь с Германом, Фрэнком и Джо. Затем я навещу Лилиан и Кэт. Право же, это будет очень весело!» Может случиться так, что, когда он приедет в Кекстон, бейсбольная команда этого городка будет играть, скажем, с командой Йерингтона. Может случиться, что Лилиан пойдет с ним посмотреть на состязание. В глубине души он надеялся, что Лилиан так и не вышла замуж. Как он мог это знать? Ведь он уже много лет не имел из Кекстона никаких известий. Игра будет происходить на поле Хефлера, и они с Лилиан отправятся туда, пройдут под кленами по Тарнер-стрит, мимо старой бочарни, затем по пыльной дороге, где раньше была лесопилка, а оттуда прямо на поле. Он понесет светлый зонтик над головой Лилиан, а Боб Френч будет стоять у входа и взимать с посетителей по двадцать пять центов.

Да нет, это уж, пожалуй, будет не Боб, а его сын. Как приятно подумать о том, что Лилиан вот таким образом отправится на бейсбольный матч со своим прежним возлюбленным! Сотни мальчишек, женщин и мужчин, вздымая пыль, протискиваются через калитку для скота на поле Хефлера; юнцы со своими девицами, несколько седовласых старушек — матерей участников команды и, наконец, они с Лилиан усаживаются на шатких скамейках трибуны на самом солнцепеке.

Так это и было однажды, и трудно передать, что они с Лилиан переживали, сидя рядом друг с другом! Нелегко было сосредоточить внимание на игроках, носившихся по полю. Нельзя было даже спросить соседа: «Кто сейчас впереди, Кекстон или Йерингтон?» Лилиан положила руки на колени. Какие это были белые, нежные, выразительные руки! Однажды — это было как раз перед его отъездом в Нью-Йорк к дяде и через какой-нибудь месяц после смерти матери — они с Лилиан вечером пошли на это поле. Отец Джона умер, когда сын был еще подростком, и у него больше не осталось в городе никаких родственников. Отправиться на поле вечером было, пожалуй, несколько рискованно для Лилиан — рискованно для ее репутации, если бы это, скажем, обнаружилось, но она, по-видимому, охотно пошла с Джоном. Вы знаете, что представляют собой девчонки этого возраста в захолустном городке!

Ее отец был владельцем обувного магазина в Кекстоне — добрый, всеми уважаемый человек, но семья Холденов... ведь отец Джона был адвокатом!

После того как в тот вечер они вернулись с поля — это было, вероятно, уже после полуночи, — они решили посидеть еще на крылечке перед домом ее отца. Он, наверно, знал об этом. Подумать только — дочка чуть ли не до полночи болтается где-то с молодым человеком! Они прильнули друг к другу с каким-то самозабвенным чувством отчаяния, в котором ни один из них не отдавал себе ясного отчета. Она вернулась домой после трех часов, да и то лишь потому, что он на этом настоял. Он вовсе не хотел, чтобы о ней бог знает что говорили. А он бы мог... Когда она поняла, что он собирается уйти, она вдруг стала похожа на крохотного испуганного ребенка. Ему было тогда двадцать два, а ей, наверное, около восемнадцати.

Восемнадцать и двадцать два — всего сорок. Джону Холдену было сорок лет в тот день, когда он сидел за завтраком в гостинице небольшого городка, в десяти милях от Кекстона.

Теперь ему казалось, что он, пожалуй, мог бы пройтись с Лилиан по улицам Кекстона к полю и небезрезультатно. Вы знаете, как это бывает. Но молодость ушла, и тут уж ничего не поделаешь. Если действительно будет бейсбольный матч и Лилиан согласится пойти с ним, он поставит автомобиль в гараж и уговорит ее пройтись пешком. В кино часто видишь такие истории: человек после двадцати, лет отсутствия возвращается в родной город, и новая красавица сменяет увлечение юности — что-нибудь в этом роде. Весной листья кленов прекрасны, но еще прекраснее они осенью, это какой-то пожар красок мужественности и женственности.

Настроение у Джона после завтрака было неважное. Ему предстоял путь в Кекстон: раньше дорога туда в шарабане отнимала почти три часа, а теперь это расстояние без всяких усилий можно было покрыть за двадцать минут.

Он зажег сигару и отправился на прогулку, правда, не по улицам Кекстона, а по улицам городка в десяти милях от него. Если он приедет в Кекстон к вечеру, скажем в сумерках, то...

И вдруг с какой-то щемящей болью Джон осознал, что жаждет темноты, приветливости тихих вечерних огней. Лилиан, Джо, Герман и все остальные... Восемнадцать лет прошло и для них, не только для него. Теперь ему в какой-то мере удалось превратить свой страх перед Кекстоном в страх за других людей, и он почувствовал облегчение. Но тут же вспомнил, что он затеял, и ему снова стало не по себе. Придется столкнуться с большими переменами, с новыми людьми, новыми зданиями, с людьми средних лет, ставшими стариками, с молодежью, которая стала теперь поколением средних лет. Во всяком случае, теперь он думал о других. Теперь он уже не думал только о себе, как в те времена, когда писал домой восемнадцать лет назад. «Неужели я по-прежнему думаю только о себе?» — вот к чему сводился вопрос.

Действительно, нелепое положение! Он так весело проехал по горной части штата, Нью-Йорк, по западной части Пенсильвании, по восточной части Огайо. В полях и городах люди были заняты работой, фермеры ехали на машинах в город, на отдаленной дороге, тянувшейся по долине, поднимались облака пыли. Около какого-то моста он остановил автомобиль и немного погулял по берегу ручья, который, извиваясь, исчезал в лесу.

К людям он относился сочувственно. Только раньше он никогда не уделял им много времени мыслям о них самих, об их делах. «Мне некогда», — говорил он себе. Джон всегда отдавал себе отчет в том, что хотя он и неплохой архитектор, но должен помнить, что все в Америке движется стремительно. На арену выходят новые люди. Не может же он вечно опираться на дядину репутацию. Каждое мгновение приходится быть начеку. К счастью, ему помогла женитьба: ему удалось завести знакомства с очень нужными людьми.

Дважды он подхватывал кого-то по дороге. Сначала это был паренек лет шестнадцати из маленького городка в восточной Пенсильвании. Он пробирався к тихоокеанским берегам, подсаживаясь на попутные машины, — обычное летнее приключение! Джон вез его целый день, с невыразимым удовольствием слушая его болтовню. Так вот каково оно — молодое поколение! Глаза у мальчишки были очень приятные, и держался он предупредительно и по-дружески. Он курил папиросы, а когда их машину задержал прокол, он очень быстро и расторопно сменил поврежденную камеру. «Незачем вам и руки пачкать, мистер, я это сейчас, в одну минуту», — сказал он, и слово у него не разошлось с делом. Мальчуган сообщил, что хочет проехать через всю страну к Тихому океану, а там устроиться на каком-нибудь торговом судне и, если удастся, махнуть в кругосветное путешествие. «Но знаете ли вы иностранные языки?» Нет, мальчик их не знал. Перед Джоном Холденом промелькнули картины знойных восточных пустынь, многолюдных азиатских городов, полудиких горных стран. Еще начинающим архитектором, до смерти дяди, он провел два года за границей, изучая зодчество различных стран; но он не поведал мальчику своих мыслей. В своем беззаветном стремлении вперед этот мальчик готов

был пуститься в кругосветное путешествие с такой же легкостью, как он сам юношей мог попытаться найти дорогу от дядино дома в восточной части Восемьдесят первой улицы до Бэттери.^[2] «Как знать, может быть ему; и удастся?» — подумал Джон. Провести день с этим мальчиком было удивительно приятно, и на следующее утро Джон рыскал повсюду, чтобы найти его и повезти дальше, но мальчик уже уехал, его посадил кто-то, успевший встать пораньше. Что бы Джону пригласить его к себе в гостиницу! Но сейчас было уже поздно.

Юность, дикая и необузданная, способная кинуться вперед очертя голову! Не понимаю, почему я никогда не был на это способен и даже к этому не стремился. Ах, если бы он был хоть чуточку более диким, более отчаянным в ту ночь, в те времена, когда он с Лилиан...

«Да, когда ты готов черт знает на что в собственной жизни — очень хорошо, прекрасно, но если тут замешан еще кто-нибудь, например молодая девушка из маленького городка, да еще когда она остается, а ты удираешь...» Он с необычайной отчетливостью вспомнил, что в ту ночь, много лет назад, когда он сидел с Лилиан на крыльчке перед домом ее отца его рука... Казалось, Лилиан в тот вечер не стала бы возражать, даже если бы ему на ум взбрело бог знает что. Но он подумал, да, он подумал о последствиях. Мужчины должны защищать, охранять женщин, и всякое такое, Лилиан, видимо, была ошеломлена, когда он взял да ушел, хотя, собственно, было уже три часа утра. Она очутилась в положении человека, ожидающего на станции прихода поезда; и вдруг выходит некая личность и пишет на черной доске: «Поезд № 287 отменен», или что-нибудь в этом роде.

Да, он все-таки поступил правильно.

А потом, четыре года спустя, он женился в Нью-Йорке на женщине из хорошей семьи. Даже в таком городе, как Нью-Йорк, городе с огромным населением, ее семья пользовалась широкой известностью. У них всюду были связи.

После свадьбы, правда, он иногда кое-чего не понимал. Случалось, что Гертруда поглядывала на него с каким-то странным огоньком в глазах. Да и тот мальчишка, которого он подобрал на дороге — когда Джон что-то такое ему сказал, у него блеснул в глазах тот же странный огонек. Как неприятно было бы сознавать, что мальчишка на следующее утро намеренно уклонился от встречи. Существовал некий двоюродный брат Гертруды. Как-то, уже после свадьбы, до Джона донеслись слухи, что Гертруда раньше хотела выйти замуж за этого двоюродного брата, но, конечно, Джон не сказал ей ни слова. Да и чего бы ему впутываться? Она была его женой. Он слышал, что против этого двоюродного брата имелись какие-то серьезные возражения со стороны ее семьи. Говорили, что он молодчик непутевый — картежник и пьянчуга.

Однажды этот двоюродный брат явился в квартиру к Холденам в два часа ночи. Он был пьян и требовал немедленного свидания с Гертрудой. Она накинула на себя халат и сошла к нему. Встреча произошла в вестибюле, внизу, где, собственно говоря, любой мог вдруг войти и застать ее. Мальчишка-лифтер и швейцар ее, во всяком случае, видели. Она стояла и беседовала с ним в вестибюле почти целый час. О чем? Джон никогда не задавал Гертруде прямых вопросов на эту тему, и сама она об этом тоже ничего не сказала. Когда она снова поднялась наверх и легла в свою кровать, он весь дрожал на своем ложе, но не произнес ни звука. Он боялся, что, начав разговор, не удержится и наговорит грубостей, лучше уж взять себя в руки. После этого двоюродный брат исчез. Джон подозревал, что Гертруда потом тайно посылала ему деньги: он уехал куда-то на Запад.

Теперь Гертруда умерла. Она всегда была как будто здорова, но вдруг заболела какой-то странной, медленно сжигавшей ее лихорадкой, которая тянулась почти год. Иногда казалось, что Гертруде стало лучше, но потом лихорадка возвращалась с новой силой. Может быть, Гертруда больше не хотела жить? Страшно подумать! Когда она умирала, Джон, вместе с

доктором, стоял у ее постели. У него было примерно такое же чувство, какое он испытывал в ту ночь своей юности, когда отправился с Лилиан на бейсбольное поле: странное ощущение своей неполноценности. Не было никакого сомнения, что в глубине души обе женщины в чем-то обвиняли его.

Но в чем? Смутно и неизъяснимо, но он всегда чувствовал, что и его дядя, архитектор, и тетка относились к нему неодобрительно. Они завещали ему своя деньги, но... Как будто дядя сказал ему, как будто Лилиан в ту давно минувшую ночь сказала ему...

Неужели они все сказали ему одно и то же, неужели Гертруда, его жена, сказала ему то же самое, лежа на смертном одре? Только улыбка. «Ты всегда так хорошо следишь за собой, не правда ли, Джон, дорогой мой? Ты строго соблюдаешь все правила. Ты не рискуешь ни собой, ни другими».

Однажды, в минуту раздражения, она: действительно сказала ему нечто в этом роде.

В городке, расположенном в десяти милях от Кекстона, не было даже парка, чтобы посидеть и подышать воздухом.

А если остаться в гостинице, того и гляди нагрянет кто-нибудь из Кекстона: «Здорово, вы как сюда попали?»

Как тогда ему объяснишь? Ведь он жаждал приветливости тихих вечерних огней и для себя и для старых знакомых, с которыми ему предстояло увидеться вновь.

Он стал размышлять о сыне, которому было двенадцать лет. «Что ж, сказал он себе, — его характер еще и не начал формироваться». До сих пор его сын не замечал чувств других людей, в нем иногда проявлялись эгоизм, равнодушие к другим, несколько неприятное стремление занимать всегда первое место. Все это необходимо было исправить, и притом немедленно. Джон Холден был охвачен тревожными мыслями. «Я должен сейчас же написать ему. Такие привычки легко укореняются в мальчишке, а затем и во взрослом человеке, тогда их уже никак не вытравить. На свете такое множество людей! У каждого мужчины, у каждой женщины свой взгляд на жизнь. Быть цивилизованным человеком — это, в сущности, значит помнить о других людях, об их надеждах, радостях и иллюзиях».

Джон Холден шел мимо жилых домов по улице городка в штате Огайо и обдумывал, письмо к сыну, который находился в лагере для мальчиков в Вермонте. Джон был из тех людей, что пишут сыновьям ежедневно. «Полагаю, что так и следует, — сказал он себе. — Нельзя забывать, что у мальчишка теперь нет матери».

Он дошел до железнодорожной станции, находившейся в самом конце города. Там было очень мило — травка и цветы на круглой клумбе в самом центре лужайки. Мимо прошел какой-то железнодорожник, вероятно агент по грузам, он же телеграфист, и скрылся в здании вокзала. Джон последовал за ним. На стене в зале ожидания в рамке висело расписание поездов, и Джон принялся изучать его. Поезд на Кекстон будет в пять. Другой поезд, выходящий из Кекстона в семь девятнадцать, пройдет здесь в семь сорок три. Человек в тесной комнатке служебного отделения открыл выдвигающее окошко и взглянул на Джона. Некоторое время оба пристально смотрели друг на друга, потом окошко снова задвинулось.

Джон взглянул на часы. Два двадцать восемь. К шести он мог бы поехать на машине в Кекстон и там пообедать в гостинице. Когда он пообедает, уже наступит вечер, и на главной улице появятся гуляющие. Придет поезд семь девятнадцать. Когда Джон был еще мальчишкой, иногда он, Джо, Герман, а часто и некоторые другие ребята вскакивали на переднюю площадку багажного или почтового вагона и проезжали «зайцами» до того самого городка, где он теперь находился. Какое это было захватывающее ощущение — сидеть съезжившись на площадке в наступающей темноте, в то время как поезд пролетал эти десять миль и вагон бросало из стороны в сторону! Осенью или весной, в сумерках, на поля у железнодорожного полотна падала полоса света, когда кочегар открывал топку, чтобы подбросить угля. А однажды Джон видел, как вдоль рельсов мчался озаренный пламенем кролик. Стоило только немного нагнуться, и Джон достал бы зверька рукой. В соседнем городке ребята обычно захаживали в салуны, играли на бильярде и пили пиво. Домой они возвращались на местном товарном поезде, который прибывал в Кекстон около половины одиннадцатого. Во время одной из таких вылазок Джон и Герман так перепились, что Джо пришлось втаскивать их на пустую платформу из-под угля, а потом в Кекстоне выгружать оттуда. Герману стало плохо, и когда, они вылезали из товарного в Кекстоне, он спотыкался и чуть не угодил под колеса тронувшегося поезда. Джон напился не так сильно, как Герман: незаметно от товарищей он выплеснул несколько стаканов

пива в плевательницу. В Кекстоне ему и Джо пришлось провозиться с Германом несколько часов, и когда Джон наконец добрался домой, его мать, оказывается, еще не ложилась спать и была в страшной тревоге. Пришлось ему тогда ей солгать: «Мы с Германом поехали за город на велосипедах, и там у нас сломалось колесо. Пришлось топтать на своих двоих». Если Джо, налакавшись пива, держался молодцом, это объяснялось просто — он был немец. Его отцу принадлежал мясной рынок, и к столу у них всегда подавалось пиво. Ничего удивительного, что оно не свалило его с ног, как Германа и Джона.

У вокзала в тени стояла скамейка, и Джон просидел там очень долго два часа, три часа... Как это он не догадался захватить с собой книгу? Он начал сочинять в уме послание сыну и рассказывал в нем о полях, расстилавшихся вдоль дороги в окрестностях Кекстона, о том, как он приветствовал старых друзей, о событиях своего детства. Он даже упоминал о своей бывшей возлюбленной, о Лилиан. Если он сейчас обдумает как следует все, что собирается изложить в письме, то потом в номере гостиницы в Кекстоне он сумеет написать его в несколько минут без задержек и длительных размышлений. Да и нечего, особенно беспокоиться из-за письма к мальчишке. Право же, иногда следует оказывать ему доверие, приоткрывать перед ним завесу над своей жизнью, приобщать его, так сказать, к своей жизни.

В двадцать минут седьмого Джон въехал на своей машине в Кекстон, отправился прямо в гостиницу, записался у портье и был препровожден в отведенный ему номер. Въезжая в город, он заметил на улице Билли Бейкера, у которого еще в юности была парализована нога; идя, он волочил ее по тротуару. Теперь он сильно постарел, его лицо выглядело морщинистым и поблекшим, как высохший лимон, на одежде спереди были пятна. В городках штата Огайо люди, даже больные, живут долго. Просто удивительно, как они цепляются за жизнь.

Джон поставил свою довольно дорогую машину в гараж при гостинице. В свое время в этом здании помещалась платная конюшня. На стенах маленькой конторы, выходившей на улицу, висели изображения знаменитых беговых и скаковых лошадей. Старый Дэйв Грей держал тогда эту конюшню, и Джон иногда нанимал у него шарабан. Он нанимал шарабан, и они с Лилиан отправлялись на прогулку за город по освещенным лунным светом дорогам. Откуда-то с уединенной фермы нет-нет да и донесется собачки лай. Иногда они выезжали на узкую дорогу, обсаженную с обеих сторон кустами бузины, и останавливали лошадь. Какая тишина царила кругом! И какие странные чувства одолевали их тогда! Они не в силах были говорить. Порою они сидели долго-долго, безмолвно прильнув друг к другу. Однажды они сошли с шарабана, привязали лошадь к изгороди и пошли на свежескошенное поле. Сено уже было сметано повсюду в небольшие стога. Джону так хотелось прилечь на сено с Лилиан, но он не дерзнул даже и заикнуться об этом.

В гостинице Джон молча съел свой обед. В столовой не было никого, даже неизбежных коммивояжеров. Вскоре явилась жена владельца гостиницы и подошла к столику Джона немного поболтать. В гостинице обычно останавливается немало туристов, но сегодня как раз выдался тихий денек. Когда держишь гостиницу, приходится мириться с тем, что бывают такие дни. Муж ее торговый агент и много разъезжает. Вот он и купил гостиницу, чтобы доставить жене развлечение, когда будет отсутствовать. Его так часто нет дома! Они приехали сюда, в Кекстон, из Питтсбурга.

Пообедав, Джон поднялся к себе, и сейчас же туда явилась хозяйка. Дверь, ведущая в холл, осталась открытой, и хозяйка стала в проходе. Она была очень недурна собой.

— Простите, я только хочу удостовериться, что все в порядке, полотенце и мыло на месте, и все прочее, что нужно.

Она некоторое время постояла у двери, рассказывая Джону о городе.

— Очень славный городок! Здесь похоронен генерал Херст. Вам следовало бы съездить на

кладбище а посмотреть его памятник.

Джон попытался вспомнить, кто такой генерал Херст. В какой войне он сражался? Странно, что Джон его не помнит. В городе есть фабрика роялей, и говорят, что некая торговая компания из Цинциннати собирается построить здесь часовой завод. Они рассчитывают, что в таком городке у них будет меньше неприятностей с рабочими.

Женщина удалилась с явной неохотой. Идя по коридору, она остановилась и оглянулась. Это уж, знаете ли, действительно странно! Оба были застенчивы.

— Надеюсь, вам будет у нас удобно, — сказала она.

В сорок лет человек не возвращается в родной город, чтобы учинить... Жена часто отсутствующего мужа, вот оно что! Ну-ну!

Без четверти восемь Джон вышел прогуляться на Мейн-стрит и почти сразу же наткнулся на Тома Болларда, который мгновенно узнал его, — этому обстоятельству Том был особенно рад. Он без конца похвалялся этим.

— Стоит мне хоть раз увидеть лицо, и я помню его потом всю жизнь. Так-то, милый мой!

Когда Джону было двадцать два, Тому, вероятно, было около пятнадцати. Его отец был лучшим врачом в городе. Том немедленно взял Джона на буксир, и они вместе вернулись в гостиницу.

— Я же сразу узнал вас! — без умолку восклицал Том. — По правде сказать, вы не так уж и изменились!

Том, в свою очередь, стал доктором, и было в нем что-то... Джон без труда определил, что именно. Они пошли к Джону в номер. Там Джон извлек из чемодана бутылку виски и налил Тому стакан, за который тот схватился что-то уж слишком поспешно, так, по крайней мере, показалось Джону. Завязалась беседа. Опрокинув стаканчик, Том уселся на край кровати, никак не желая расстаться с бутылкой, придвинутой к нему Джоном. Герман занялся перевозкой грузов. Женился на Китти Смолл, и у него пятеро малышей. Джо работает в Международной компании по производству уборочных машин.

— Не знаю., в городе ли он сейчас. Он специалист по ремонту машин, механик дай боже и великолепный мальй, — рассказывал Том.

Он снова налил себе и выпил. Что касается Лилиан, о которой Джон упомянул вскользь, как бы случайно, то он, Джон, слышал, конечно, что она вышла замуж, а после развелась. Там был замешан какой-то мужчина. Ее супруг потом женился вторично, а она сама сейчас, после смерти отца торговца обувью, живет с матерью. Том излагал все это с некоторой осторожностью, как бы боясь причинить боль другу.

— Мне думается, ей теперь неплохо. Живет скромно, ничего за ней не водится. Хорошо, что у нее нет детей. Иной раз нервы пошаливают, бывают странности... Ну и порядком, надо сказать, подурнела.

Джон и его гость спустились вниз и, пройдя немного по Мейн-стрит, уселись в принадлежавшую доктору машину.

— Я вас немножко прокачу, — заявил Том, но в тот миг, как они уже готовы были тронуться с места, он вдруг обернулся и улыбнулся своему пассажиру: — Надо бы малость отметить ваше возвращение, — сказал он. — Не возражаете насчет литрочки?

Джон вручил ему десятидолларовую бумажку, и Том исчез в недрах ближайшей аптеки, Явившись назад, он ухмыльнулся.

— Я воспользовался вашим именем, все в порядке. Они там не знали его. В рецепте я написал, что у вас общий упадок сил, что вам необходимо укрепляющее. Рекомендовал вам принимать по чайной ложке три раза в день. Бог ты мой, в моей книжечке для рецептов уже не хватает листков!

Владельца аптеки звали Уил Беннет.

— Вы, наверно, помните его. Это сын Эда Беннета, и женат он на Кэрри Уайет.

Эти имена Джон помнил очень смутно. «Он, видимо, собирается напиться. И меня попытается напоить», — подумал Джон.

Свернув с Мейн-стрит на Уолнет-стрит, они остановились посередине между двумя фонарями и снова выпили. Джон поднес бутылку к губам, но закрыл отверстие языком. Он вспомнил те вечера с Джо и Германом, когда втихомолку выливал свое пиво в плевательницу. На душе у него было холодно и уныло. Уолнет-стрит была та самая улица, по которой он, бывало, поздно ночью возвращался домой от Лилиан. Он стал вспоминать людей, живших тогда на этой улице, и перед ним замелькали знакомые имена. Много имен сохранилось в памяти, но за ними не вставали образы людей. Они оставались только именами. Он втайне надеялся, что доктор не вздумает свернуть на ту улицу, где некогда обитала семья Холденов: Лилиан жила в другой части города, называвшейся районом Красных домов. Джон и понятия не имел, откуда такое название.

Они молча ехали вверх по небольшому холму на юг и наконец оказались на окраине города. Остановив машину у дома, которого в свое время при Джоне еще не было, Том дал гудок.

— Здесь, кажется, была Ярмарочная площадь? — спросил Джон.

Доктор обернулся и кивнул головой.

— Да, именно здесь, — сказал он.

Он продолжал нажимать гудок. Из дома вышли мужчина и женщина и остановились на дороге возле машины.

— Давайте захватим Мод и Элфа и все вместе махнем в Лайлс-пойнт, предложил Том.

Вот уж, действительно, Джона взяли на буксир! Он удивлялся, почему Том не знакомит его. Но Том сказал:

— Мы уже малость заложили за галстук. Познакомьтесь с Джоном Холденом. Жил здесь когда-то давно.

Когда Джон был еще мальчуганом, здесь, на Ярмарочной площади, Дэйв Грей, владелец конюшни, обычно по утрам делал разминку своим лошадям. Герман, который был превеликим любителем лошадей и мечтал стать жокеем, часто спозаранку заходил за Джоном, и оба мальчика отправлялись на площадь, даже не позавтракав. У Германа обычно были с собой бутерброды — ломтики хлеба с холодным мясом, похищенные из мамашинной кладовой. Приятели шли напрямик через чьи-то участки, перелезали через изгороди и на ходу жевали бутерброды. По пути на лугах трава сгибалась под тяжестью капель росы, и прямо перед мальчиками взлетали ввысь жаворонки. Герману, как-никак, удалось в известной мере претворить в жизнь мечту своей юности: он по-прежнему был около лошадей, у него было извозное дело. С какой-то затаенной болью Джон подумал, что скорее всего Герман просто ездит на грузовике.

Мужчина и женщина сели в автомобиль, женщина — на заднее сиденье, рядом с Джоном, а муж ее — рядом с Томом, и они покатали к другому дому, Джон не мог уследить, по каким улицам они едут. Иногда он спрашивал соседку: «На какой улице мы сейчас находимся?»

Вскоре к ним присоединились Мод и Элф, которые тоже залезли на заднее сиденье. Мод была стройная женщина, лет двадцати восьми или тридцати, с золотистыми волосами и голубыми глазами. Она сразу, как видно, решила начать заигрывать с Джоном. «Больше, одного дюйма пространства мне не потребуется», — сказала она со смехом, протискиваясь между Джоном и первой женщиной, имени которой он потом не мог вспомнить.

Мод ему, пожалуй, даже нравилась. Машина прошла миль восемнадцать по покрытой, гравием дороге, и они оказались на ферме Лайлс-пойнт, уже давно превращенной в придорожный ресторан, и там вышли. Мод почти все время молчала, но она сидела, плотно прижавшись к Джону, и ему, озябшему и унылому, приятно была теплота ее стройного тела. Иногда она полушепотом обращалась к нему:

— Ну и ночь, прямо прелесть! Мне нравятся вот так мчаться вперед во тьме.

Ферма Лайлс-пойнт находилась в излучине реки Семсон. К этой речушке Джон еще мальчишкой, бывало, отправлялся с отцом удить рыбу. Потом ему случалось не раз бывать здесь с компанией юнцов и их девиц. Они ездили туда в старом омнибусе Грея, причем дорога туда и обратно отнимала несколько часов. Возвращаясь ночью домой, они забавлялись, распевая во все горло и будя людей на придорожных фермах. То и дело кто-нибудь слезал чтобы пройтись и размять ноги. Тут как раз, был удобный случай незаметно для других поцеловать девчонку.

Ускорив шаг, они легко могла догнать омнибус.

Владельцем Лайлс-пойнта был итальянец с массивной челюстью, по имени Франциско. У него был зал для танцев и ресторан. Если вы знали, с какой стороны подъехать к хозяину, он отпускал вам и спиртные напитки, а доктор и его друзья, очевидно, могли считать себя здесь своими людьми. Немедленно было объявлено, что Джон ничего не должен заказывать. Они и не подождали, пока он что-нибудь предложит.

— Не забудьте, вы сейчас наш гость. Если нам случится побывать в вашем городе, тогда другое дело, — сказал Том и рассмеялся. — Кстати, я вспомнил, что забыл вернуть вам сдачу, — продолжал он, протягивая Джону бумажку в пять долларов.

Виски, раздобытое в аптеке, ухитрились распять уже в пути, причем все, кроме Джона и Мод приложились как следует.

— Я не поклонница этой влаги. А вы, мистер Холден? — спросила Мод и захихикала.

Дважды за время дороги ее пальцы подкрадывались к его руке и слегка касались его пальцев, и каждый раз она спешила извиниться, «Ах, простите, ради бога!» — восклицала она.

Джон испытывал примерно такое же чувство, как в начале вечера, когда хозяйка гостиницы стояла у дверей его комнаты и, видимо, не очень-то хотела уходить.

Когда они в Лайлсе вышли из машины, он почувствовал себя весьма неуютно, каким-то старым и усталым. «Зачем я здесь с этими людьми?» — не переставал он спрашивать себя. Когда они вышли на освещенное место, он украдкой взглянул на часы. Еще не было девяти. У двери ресторана стояло несколько других машин в большинстве, как объяснил доктор, из Йерингтона. Выпив по стаканчику довольно слабого итальянского красного вина, вся компания, за исключением Мод и Джона, отправилась в зал для танцев. Доктор отвел Джона в сторону и шепнул ему:

— Держитесь подальше от Мод! — Он скороговоркой пояснил, что Элф и Мод поссорились и уже несколько дней не разговаривают друг с другом, хотя и живут в одном доме, едят за одним столом и спят в одной постели. Он находит, что она слишком много позволяет себе с мужчинами. Так что будьте настороже!

Женщина и мужчина сидели на скамейке под деревом, которое росло на лужайке перед домом. Остальные танцевали, а затем появились с новыми бутылками. Том где-то раздобыл еще виски.

— Самогон, но довольно хороший, — объявил он. Высоко в ясном небе мерцали звезды, и, пока остальные предавались танцам, Джон повернул голову и через дорогу, сквозь ветви деревьев, окаймлявших берега Семсона, увидел отражение звезд в воде. Полоса света из дома падала на лицо Мод, удивительно прелестное в этом свете, но, если взглядеться, несколько надутое. «В ней есть что-то напоминающее капризного ребенка», — подумал Джон.

Она начала расспрашивать его о жизни в Нью-Йорке.

— Я была там однажды, но всего три дня. Это было, когда я училась на Востоке в школе. Там жила одна девушка, моя знакомая. Она вышла замуж за адвоката Трайтена, или что-то в этом роде. Вряд ли вы его знаете.

Она вдруг посмотрела на Джона каким-то голодным, недовольным взглядом.

— Боже, как я хотела бы жить в приличном городе, а не в этой дыре! Здесь меня ни один мужчина не привлекает.

Проговорив это, она опять захихикала. Только раз за весь вечер они перешли через пыльную дорогу и немного постояли над рекой, а потом вернулась к скамейке, прежде чем остальные кончили очередной ганец. Мод все время упорно отказывалась пойти на танцы.

К половине одиннадцатого все остальные уже были слегка под мухой, и компания поехала назад в город. Мод опять сидела рядом с Джоном. Элф по дороге уснул. Мод прижалась своим

гибким телом к Джону и, после двух или трех бесплодных попыток заигрывания, на которые он никак не реагировал, смело вложила свою ладонь в его руку. Другая женщина и ее муж болтали с Томом о тех, кого они встретили на ферме.

— Вы думаете, что между Фанни и Джо что-нибудь есть?

— Нет, мне кажется, она не поддается.

В половине двенадцатого они подъехали к гостинице Джона, и, пожелав им всем спокойной ночи, он стал подниматься к себе. Элф тем временем проснулся. Когда они уже трогались, он высунулся из машины и уставился на Джона.

— Как, вы сказали, вас зовут? — спросил он.

Джон поднялся по темной лестнице и присел на постель в своей комнате. Да, Лилиан порядком подурнела. Она вышла замуж, и супруг с ней развелся. Джо — специалист по ремонту. Он работает в Международной компании уборочных машин и механик дай боже. Герман занимается извозом. У него пятеро малышей.

В соседней комнате трое играли в покер. Они смеялись и болтали, их голоса отчетливо доносились до слуха Джона.

— Ах, вы так думаете? Ладно, я сейчас докажу вам, что вы ошибаетесь.

Вспыхнула небольшая ссора. Было лето, и окна в комнате Джона были растворены. Он подошел к одному из них и выглянул. Взошла луна, и он мог видеть внизу весь переулок. Двое мужчин завернули с улицы и остановились, о чем-то шепчась друг с другом. Когда они ушли, на крышу прокрались кот и кошка, и началась любовная сцена. Игра в соседней комнате прекратилась. Послышались голоса в коридоре:

— Ну ладно, оставим это. Говорю вам, вы оба не правы.

Джон вдруг вспомнил о своем сыне, который был в Вермонтском лагере. «Я так и не написал ему сегодня!» Он почувствовал угрызения совести. Открыв чемодан, он достал почтовую бумагу и сел писать, но после двух или трех попыток бросил и опять убрал бумагу.

Какая чудесная это была ночь на ферме, когда он сидел на скамейке с той женщиной! Теперь она лежит в постели с мужем. Они не разговаривают друг с другом.

— А что, если я сейчас?.. — вдруг спросил себя Джон, и в первый раз за этот вечер на его губах промелькнула улыбка.

— А почему бы и нет? — задал он себе новый вопрос.

С чемоданом в руке он прошел по темному коридору в контору гостиницы и начал барабанить по стойке. Откуда-то появился толстый старик с жидкими рыжими волосами и слипающимися от сна глазами, Джон объяснил, чего он хочет.

— Мне что-то не спится. Думаю, что я, пожалуй, поеду. Мне нужно в Питтсбург, и раз уж я не могу спать, то все равно поеду.

Он заплатил, что следовало по счету. Затем он попросил портье разбудить кого-нибудь из гаража и сунул ему лишний доллар.

— Если мне нужно будет заправиться, будут ли открыты колонки? спросил он, но портье, очевидно, не расслышал. А может быть, вопрос показался ему нелепым.

Стоя в потоке лунного света на тротуаре перед входом в гостиницу, Джон слушал, как портье колотит в какую-то дверь. Вскоре раздались голоса, и вспыхнули фары автомобиля. Машина подошла, ее вел какой-то мальчишка. Видно было, что это паренек веселый и бойкий.

— Я видел, как вы уезжали в Лайлс-пойнт, — сказал он и, не дожидаясь приглашения, вышел и открыл бак. — Все в порядке, у вас там почти восемь галлонов, — заверил он Джона, который тем временем уже уселся за руль.

И автомобиль и ночь так дружелюбно приняли его в свои объятия! Джон отнюдь не принадлежал к числу любителей бешеной езды, но он выехал из города на очень большой

скорости. «Как проедете два квартала, поворачивайте направо, потом проедете еще три. Там попадете на шоссе. А дальше — все прямо на восток. Сбиться с дороги тут нельзя».

Джон брал повороты, как гонщик. На окраине города кто-то крикнул ему из тьмы, но он не остановился. Он стремился как можно скорей выехать на дорогу, ведущую на восток.

— Я дам полный ход, — мечтал он — Боже ты мой! Такое наслаждение! Я дам полный ход!

notes

Двухместная машина с откидным верхом.

Этот путь по улицам Нью-Йорка составляет около десяти километров.